

Н. М.Ядринцев
Странник на Золотом озере
Восточное обозрение
1882, № 1.

Величественные, девственные леса покрывают весь юго-восток Томской губернии, они тянутся по всему Кузнецкому и восточной части Бийского округов. Здесь начинается пустыня, пред которой еще останавливается русская колонизация. В 1880 году мы двинулись в эту пустыню. Проезжая по лесным тропинкам этих дебрей, мы были приятно изумлены разнообразием растительности. Осина, береза, рябина, тополь, черемуха перемежались в пестрой зелени. Когда из долины р. Наймы, цветущей и покрытой сочными травами, мы совершили через горы перевал к Паспаулу, нас окружили огромные кедры, травы папоротника и репей, которые поднимались выше человека, сидящего на лошади. Дикий хмель обвивал деревья, подобно лианам. Среди кедров и сосен разрастались рябина, акация. Бузина; кусты черемухи, смородины, малины свешивали гроздь своих ягод. Местами выступал чистый лиственный лес. Когда мы поднялись на перевал, нас окружали прелестные парки из тополей, берез, сосен, зелень была свежая и сочная, эта зелень живописно сбегала по склонам. На вершине перевала шел дождь, и мы увидели радугу, опрокинувшуюся аркой, опершейся на соседние горы, вдаль синели вершины хребтов и выдвигалась сопка одной из них – величественного Чаптыгана. По дороге к Телецкому озеру среди черни мы следовали по узкой и грязной тропинке, которую заграждают бурелом, колоды, ручьи, иногда каменистые болота, так что всадник должен преодолевать различные препятствия.

Чудное волшебное озеро, которого с трудом достигают путешественники, но достигнув которое они испытывают невероятное наслаждение неожиданных впечатлений, однако еще не появлялось перед нами, оно было скрыто от нас декорацией гор и темными лесами.

Мы находились в небольшой деревушке на отдыхе, с мыслями и мечтами о дальнейшем путешествии. Мысли наши бродили около заколдованного озера. До сих пор это озеро пустынно и над ним летает только миф и таинственная легенда.

«Когда-то на это пустынное озеро зашел человек, рассказывают инородцы, он был голоден и искал пищи, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне и он не мог на него купить несколько зерен ячменю. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные воды глубокого озера и проклял его». Миф этот, полный своего фила смысла, объясняет название Золотое озеро или Алтын-Кель. Мрачные дикие скалы до сих пор негостеприимны для

человека. Над ними как будто стоит еще тень несчастного скитальца, подобно бродячему призраку блуждая в тумане.

В 18 верстах от озера находится однако небольшое миссионерское селение Кебезень с жалкими избами и шалашами крещеных инородцев, здесь же помещается церковь и дом миссионера, почтенного старика, который кроме духовных врачеваний лечит окружающее население от зубов, давая настой грецкой губки. Этот первый оседлый стан переполнен сбродным людом: торгашами, обруселыми татарами, разными спекулянтами и хищниками черни, здесь же живут некоторые русские рыбопромышленники, ловящие на Телецком озере прекрасную рыбу, давно известную по вкусу, но доселе неопределенную наукою. Зовут рыбу «сельдью», а Бог знает что! Словом, рыба вкусная. А до остального нам дела нет. Кебезень – это последнее селение по направлению к Телецкой пустыне, но и до него добраться - надо совершить экспедицию, перебираться через лесные тропинки верхом, изредка останавливаясь в жалких деревушках инородцев. Среди прекрасных плодородных долин гнездятся только местами пасеки (пчельники) и отважные пасечники борются с медведями. В большинстве же все пространство еще покрыто молчаливыми лесами, высокими мохнатыми сопками, бурными горными реками и производит подавляющее ощущение дикой природы.

В Кебезени мы чувствовали себя уже совершенно отчужденными от мира. Завтра мы будем в совершенной пустыне вдали от суеты, от житейских волнений, от горьких житейских драм, измучивших душу. Пора дать отдых нервам! В это-то время, когда мы смотрели на эти синеющие вершины гор, постоянно уходящие в туманной дымке и легко тронутые фиолетовыми отблесками, когда мы любовались на тихое движение пурпуровых облаков, как ожерелья обнимавших вершины и пики, прислушивались к бурливому рокоту несущейся горной реки и отдавались новому живительному чувству, предчувствуя веяние великой врачующей природы, в это время, как бы по следам за нами, до нашего слуха еще раз достиг крик жизни.

Жители маленькой Кебезени гуторили и таинственно передавали необычайное событие, которое услышали и мы. Оказалось, что около деревни взят был неизвестный, беспаспортный, который сам явился и предъявил о своем существовании. Он объявил сверх того, что у него украден паспорт и деньги. Рассказ его возбудил крайнее недоверие во всех жителях, и личность казалась подозрительной. Слушая эти рассказы, я думал, кто бы мог забрести сюда.

Авантюрист, мелкий спекулянт, искавший наживы среди простодушных дикарей-инородцев, или известный в Сибири бродяга, проторяющий путь себе с Нерчинска в далекую, но милую ему Россию? Но что его загнало сюда, на бродяжеский тракт в середине людной, заселенной Сибири? Бродяга

смело идет по сибирским деревням и питается подаянием хлебообильных сибирских сел. Если это сбившийся с пути путник, в таком случае положение его здесь безотраднo!

Во всяком случае, ввиду общего внимания, я желал его видеть. Приготовляясь встретить беглеца и ожидая фантастического рассказа, на что весьма способны ссыльные, я готов был приняться за раскрытие обмана и помочь жителям разъяснить загадочное происшествие. Жители уверяли, что на пустынной дороге, вблизи мирных инородцев не могло быть совершено у него кражи. Я также знал, что инородцы честны и страшатся хуже всего подобных обвинений, зная тяжесть следствия. Заседатель сюда даром не приедет.

Симпатии мои были во всяком случае не на стороне неизвестного.

Недоумение мое увеличилось, когда я узнал, что незнакомец явился не один, но с мальчиком и лошадей. Когда его привели ко мне, я был озадачен его видом и фигурой и скоро узнал знакомый тип, не оставлявший никакого сомнения.

Несколько нескладная и как бы растерянная фигура, лицо простодушное, почти глуповатое, взгляд открытый, но упрямый, признак настойчивости характера, нескладная, тугая, с трудом выжимаемая речь, русая голова, крестьянские согнутые рабочие руки, следы долгого пути на ногах, в лице спокойствие, покорность и в то же время какое-то изумленное выражение и еще неостывшее недоумение перед случившимся. Подле стоял ребенок лет 12-ти с покорным тихим лицом.

— Ты новосел, переселенец российский? — пояснил я.

— Мы-те, мы расейские, точно... да вот у нас паспорт...

— Погоди, как тебя занесло, милый человек, сюда в эту трущобу?

— Да мы местов под пчельник искали, будто тут места хороши, да покосить бы маненько...

— Где же вы жили, откуда ты попал сюда?

— С Бей, из Енисейской волости, из Пильны, там два года жили, да вот, говорят, тут пчельники... да и покос.

— Как же ты с мальчишкой пасеку хотел устраивать? Много ли у тебя денег было?

— Пятнадцать рублей, да пашпорт в узелке, значит, мы с мальчонкой у речки пить стали, мальчонко-то говорит: «Тятка, пойдём выше пить, тут поганый татарин пил». Ну, мы и пошли, а узелок-то на кочку положили. Поехали. Мальчонка говорит: «Тятка, узелок взял?» Я хватился, воротились к реке — платка нет, в платочке пашпорт, пятнадцать рублей было... Спрашивали татарку на покосе, говорит — не видела, а мы тут, значит, на кочке и оставили...

Сколько я ни расспрашивал, все выходило одно, то же подтверждал и мальчик, отдельно спрошенный. Для меня совершенно-непонятна была эта небрежность, почти беспечность к самому дорогому имуществу.

— Скажи, пожалуйста, ну, зачем ты нес деньги и паспорт в платке, разве ты не знаешь вашего крестьянского обычая в мешочек зашивать да на воротах под рубахой держать. Вот я барин, да и то по-вашему научился делать, потому надежнее, видишь у меня мешочек на шее. Правду ли ты говоришь? Как же ты узелок этот в руках нес?

— Так в руках и нес. Мальчишка говорит, клади, тятка, на кочку, пойдём выше пить, татарин пил, мы и пошли...

Так я более и не мог ничего добиться. Близлежащий покос оказался вдобавок зайсана, инородческого родовича, начальника, человека богатого, и его сноха работала на покосе. Зайсан, узнав о подозрении, даже плюнул в мужика. Кебезень и его жители также не доверяли его рассказу и возмущались.

А между тем несомненно, что новосел не обманывал. Это было олицетворение простодушия. Какая-то непостижимая случайность произошла с ним, какое-то фатальное несчастье преследовало его.

Положение новосела было между тем критическое. Хотя он являлся истцом, но как беспаспортный находился под арестом, ему предстояло быть возвращённым за 100 верст в деревню, а потом, может быть, в Россию на местожительство.

Между тем новосел как будто не понимал своего положения.

После всех расспросов, препирательств и брани с зайсаном-инородцем он вдруг обратился ко мне с каким-то наивным, заискивающим взором:

— Ваше благородие, позволь мне поробить здесь пока, я бы им на покосе помог, деньжонок заработал... да и местов подыскал... Позволь!..

Наивность была поразительная.

— Любезный друг, спроси у них, пустят ли они тебя, ведь ты вооружил на себя все население, с зайсаном поссорился, а земли им принадлежат. Да, наконец, ты даже без паспорта.

— Позволь поробить!.. — слышался один ответ.

Сколько я ни убеждал переселенца, я видел один упрямый взгляд, подтверждавший решение во что бы то ни стало «отыскать место». Стремление переселенца, его юридическое положение и отношение к нему окружающих,— все это составляло такой гордиев узел и такую кашу, какую я привык встречать в наших колонизационных местах.

Я лег спать, мечтая о выезде завтра в пустыню, но судьба переселенца не выходила из головы. Ведь надо же было этому пионеру колонизации забраться в эту трущобу, где мы, русские, с XVII столетия, то есть со времени похода Собанского, не могли поставить ни крепости, ни основать русского поселения, кроме жалких татарских хижин.

Сколько административных усилий было напряжено. Команды посылались, начиная с Шпрингера, и казачьи линии проводились, от Сайбыда по Бии пробовали дорогу пролагать, на Телецкое озеро при генерале Капцевиче казаков садили и магазин для рыбы строили. Ничего не привилось: магазин разрушился давно и озеро пустынно, дорог по-прежнему нет.

И вот пришел теперь настоящий работник, виноградарь, истый завоеватель, земледелец с упорным трудом и мускулистыми руками: «Дайте поробить!» Что же мы с ним сделаем? А что как мы его отправим назад? Какое фатальное недоразумение! Какая ужасная судьба!

С какими средствами и силами, наконец, явился этот отважный завоеватель? Убогий, в одной рубахе и зипуне, на худенькой лошаденке, с ребенком на руках, один в глухих лесах, в грозной пустыне. Явиться при таких средствах разве это не героизм, равный безумию!

Он явился, не зная условий существования, в незнакомую среду, в селение, где вили себе гнездо только «хищники черни» и эксплуататоры инородца. Явился с девизом: «Позвольте поробить!»

Он пришел, может быть, преждевременно, как везде, проторяя дорогу. И тем не менее это все-таки настоящий завоеватель, это сила, он оснуется когда-нибудь здесь и будет ему принадлежать будущее, будут принадлежать леса и дубри. Недаром он шел из Воронежской губернии без средств, прося по дороге только «поробить». Прошел всю Россию и Сибирь и основался здесь. Такой человек не умрет с голода нигде. Везде нужны руки, везде «надо поробить» — это его вера.

Да, это не брокенский призрак Телецкого озера, не несчастный с куском золота, не знающий, что делать с ним в пустыне. У него нет золотого слитка, но есть золотые руки. Он не погибнет, не проклянет эти берега, потому что сумеет бросить вечное зерно в почву и возрастить колос. Это дороже золота!

В смутных грезах мне виделся уже не убогий мужичонка, но титан — русский народ, пробивающий упорно путь себе через леса и урманы на заколдованное Телецкое озеро.

Мать-пустыня! Когда же, когда ты дашь приют этому труженику!

Источник

Ядринцев Н. М. Странник на Золотом озере / «Восточное обозрение», 1882, № 1.

Перевёл в текстовой формат Е. Гаврилов, 30 ноября 2015 года.